

В. Е. ГУСЕВ

Слово об учителе

(К 75-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ КАЛЛИНИКОВИЧА ГУДЗИЯ)

Время, шумя, быстро пролетает над нашими головами. Пять лет назад научная общественность с большой сердечностью отметила юбилей Николая Каллиниковича Гудзия и воздала должное заслугам маститого ученого. И вот уже многочисленные друзья, товарищи, сотрудники и ученики разных поколений с радостью поздравляют одного из старейших и известнейших литературоведов нашей страны с новой датой. Особенно отрадно знать, что Николай Каллинович, как и прежде, полон творческих сил, неуемной энергии, новых замыслов, с присущей ему страстностью и заинтересованностью активно участвует в научной жизни, идет в первых рядах дружины советских литературоведов.

Еще преждевременно подводить итоги научной деятельности Н. К. Гудзия, и нет надобности повторять то, что было написано и сказано о нем в дни прошлого юбилея. Хорошо известна всем разносторонняя и плодотворная деятельность Николая Каллиновича как историка русской литературы — автора более чем 300 научных работ, ученого-общественника и ныне возглавляющего один из самых обширных участков научной работы — Комиссию по истории филологических наук, педагога, воспитавшего достойную смену, лектора, пропагандирующего русскую и украинскую литературу в нашей стране и за ее рубежами.

Трудно сказать, какая из облюбovaných Н. К. Гудзием областей литературоведческой науки является главным его делом, его призванием. И все-таки в сознании многих и многих Николай Каллинович воспринимается прежде всего как медиевист, как исследователь древней русской литературы. Именно ей он отдал пыл своей научной молодости, ей он остается верным и поныне.

Уже первые шаги Николая Каллиновича на поприще изучения средневековой письменности были уверенными и многообещающими. На студенческой скамье, в семинаре академика В. Н. Перетца он пишет свою первую научную работу о «Прении живота и смерти» (1910), а опубликовав ее вместе с новым списком памятника, не прекращает поиски новых его редакций, о чем свидетельствует его работа в архивах Житомира.¹ Окончание университета Н. К. Гудзий отмечает публикацией одного из лучших и вполне зрелых своих произведений — исследования «Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения», где обнаруживается прекрасная осведомленность молодого ученого не только в наследии исследуемого автора, но и в обширной литературе по культуре и идеологии эпохи Возрождения. Н. К. Гудзий уже тогда имел основания со всей определенностью заявить, что «на вопрос об отражении в сочинениях Максима Грека идей

¹ См.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 года. Киев, 1911, памятка студента Н. К. Гудзия, стр. 57—70.

эпохи Возрождения придется дать окончательно отрицательный ответ».² И действительно, этот вывод не только не поколеблен, но и получил новые убедительные подтверждения в исследованиях А. И. Клибанова. О самостоятельности и независимости суждений Н. К. Гудзия, проходящего подготовку к профессорскому званию при Киевском университете, со всей очевидностью свидетельствует его рецензия на VI том труда И. Я. Франко «Апокрифи и легенди з українських рукописів», опубликованная при жизни великого украинского писателя и незаурядного историка литературы. Известно, что И. Я. Франко в то время был уже признанным ученым, с большим именем в русской и зарубежной славистике. Молодой рецензент также оценивает по достоинству труд И. Я. Франко по изданию памятников апокрифической литературы как «весьма солидное, не имеющее себе равных даже в русской литературе ученое предприятие».³ Но наряду с бесспорными достоинствами серии публикаций И. Я. Франко Н. К. Гудзий со всей откровенностью и принципиальностью отмечает и недостатки и небрежности труда. В своей критике Н. К. Гудзий опирался на собственное исследование «Zywoty świętych» Петра Скарги в юго-западной Руси XVI—XVIII вв., отмеченное на университетском конкурсе золотой медалью. Эти, как и другие работы молодого ученого, в особенности его обстоятельный критико-библиографический обзор литературы о «Слове о полку Игореве», убедительно свидетельствовали о том, что в лице Н. К. Гудзия русская и украинская наука приобрели нового талантливое исследователя.

На первый взгляд может показаться, что в силу ряда обстоятельств интерес Н. К. Гудзия к древней русской литературе резко упал на долгие годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Но это не так: увлеченный исследованиями в области новой русской литературы — писателей XVIII в. и декабристов, а также Пушкина, Тургенева, Островского, Тютчева, символистов и особенно Льва Толстого, Н. К. Гудзий не прекращал с живым интересом следить за развитием советской медиевистики и накапливать материалы для собственных трудов. Об этом красноречиво свидетельствует большой обзор, опубликованный в нескольких номерах журнала «Zeitschrift für slavische Philologie» за 1928 и 1929 гг., — «Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914—1926».

С середины 1930-х годов Н. К. Гудзий снова и все чаще и чаще обращается к изучению древней русской литературы. Произошло как бы второе рождение ученого-медиевиста. Сохранив лучшие черты, присущие ему как исследователю еще в молодости, обогащенный опытом изучения новой русской литературы, а главное — вооруженный новой, марксистской методологией, Н. К. Гудзий исследует самые различные проблемы древней русской литературы и создает обобщающие работы в этой области. Те, кому посчастливилось слушать лекции Н. К. Гудзия в Институте истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского в 1937/38 учебном году и быть первыми ценителями подготовленного к печати учебника «История древней русской литературы», с содержанием которого Н. К. Гудзий щедро знакомил своих юных и восторженных слушателей, а также те, кому выпала честь в последующие годы работать в семинарии по древней русской литературе и пробовать свои силы в науке под руководством Н. К. Гудзия, — те прекрасно помнят и до сих пор, с каким молодым воодушевлением и, без преувеличения можно сказать, вдохновением говорил Н. К. Гуд-

² Киевские университетские известия, 1911, № 7, стр. 18.

³ ЖМНП, СПб., 1912, № 3, стр. 153.

зий о древней русской литературе, как радовался тем перспективам, которые открыла советским ученым марксистско-ленинская методология в подлинно научном изучении литературного наследия феодальной Руси.

Во многих и многих работах Н. К. Гудзия отразилась радость трудных поисков применения новой научной методологии к исследованию древней русской литературы. И он стал одним из тех, кто создал марксистскую медиэвистику.

Статья Н. К. Гудзия «К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник?» (1934), сколько бы ни продолжались споры на эту тему, сохраняет свое принципиальное значение как один из первых замечательных творческих опытов, как одна из первых постановок вопроса о демократических истоках древней русской литературы и об отражении в ней идеологии демократических слоев феодального общества. То же, и в еще большей степени, следует сказать об изучении Н. К. Гудзием наследия протопопа Аввакума. Николаю Каллиниковичу одному из первых удалось подойти к нему в науке как к литературному факту и заглянуть в богатейший, сложный, противоречивый внутренний мир писателя, в сознании которого своеобразно отразились сложные процессы русской жизни во второй половине XVII в. Изданная Н. К. Гудзием книга «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения» (Academia, 1934) с его большой вступительной статьей «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» и с комментариями в течение четверти века оставалась образцом. Исследования Н. К. Гудзия, посвященные Аввакуму, составили определенный этап в советской медиэвистике, дали толчок к новым изучениям наследия выдающегося русского писателя XVII в. и не потеряли своего значения до сих пор.

Даже в частных и весьма конкретных исследованиях Н. К. Гудзия всегда бьется пытливая мысль исследователя, задумывающегося над большими проблемами своеобразия древней русской литературы. Из различных, казалось бы, мелких заметок, посвященных «Слову о полку Игореве», складывается целостное воспроизведение художественных особенностей выдающегося памятника литературы Киевской Руси. Например, точное определение Н. К. Гудзием границ «Золотого слова» Святослава, имеющее на первый взгляд частный и лишь текстологический характер, ценно именно тем, что помогает ощутить лирическую природу «Слова о полку Игореве» в целом. Только скрупулезное знание текста, композиции, языка и стиля памятника позволило Н. К. Гудзию выступить в числе других советских исследователей с убедительной полемикой против академика А. Мазона (Франция), в ряде работ отрицающего подлинность «Слова о полку Игореве».

В статье о деятельности Серапиона Владимирского из конкретной и как будто имеющей лишь узко биографический характер темы (где именно была написана большая часть «слов» древнерусского проповедника) возникает принципиальное определение автора как писателя Владимиро-Суздальской Руси, воспринявшего киевскую литературную традицию, и как активного участника процесса формирования новой литературной традиции, «порожденной особенностями общественно-политических и экономических условий уже северной Руси».⁴

Большое внимание Н. К. Гудзий уделяет проблеме взаимодействия литератур разных народов в эпоху феодализма, в первую очередь русской и

⁴ ИЮЛЯ, т. XI, вып. 5. М., 1952, стр. 456.

украинской литератур.⁵ Но в этой связи должны быть упомянуты также работы, посвященные памятникам переводной литературы («Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, произведениям папы Григория и др.).

Для научной деятельности Н. К. Гудзия последних лет характерен, я бы сказал, историографический пафос. И это — не историография ради историографии, а особый способ утверждения своих научных убеждений, не оглядка на предшественников, а производимая с высоты современных достижений советского литературоведения определение ценностей, выдержавших испытание временем.

Характерно, что и работы, посвященные собственно древней русской литературе, пронизаны этим историографическим пафосом. В докладе на IV съезде славистов «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы» (М., 1958) Н. К. Гудзий полемизирует с Н. К. Никольским и поддерживает точку зрения М. Н. Сперанского, сочувственно ссылается на М. А. Максимовича и подчиняет свой историографический обзор единей цели — выявить оригинальный характер древней русской литературы. И пусть отдельные положения, выдвинутые Н. К. Гудзием, вызывают спор, но ценность доклада определяет основной пафос его, направленный против Е. Е. Голубинского и ему подобных, недооценивавших художественное наследие Киевской Руси.

Доклад Н. К. Гудзия «„Сравнительное изучение“ литературы в русской дореволюционной и советской науке» (1960), сделанный на дискуссии, посвященной проблемам марксистско-ленинского сравнительно-исторического метода в литературоведении, целиком посвящен выяснению развития сравнительно-типологического изучения литературы, главным образом на материале из области историографии фольклористики и древней русской литературы. Н. К. Гудзий подытоживает и критически оценивает результаты этой работы на примерах истории изучения «Слова о полку Игореве», летописания, переводных повестей. Пафосом этого доклада также является мысль, что основной целью историко-типологического изучения литературы является выяснение национального своеобразия в проявлении основных закономерностей литературного процесса. Заметное место отведено древней русской литературе также в докладе Н. К. Гудзия на совещании международной комиссии по истории славянской филологии, состоявшемся в Вене («Основные моменты в изучении истории славянской филологии в России—СССР»⁶).

Внимание Н. К. Гудзия в этом плане привлекает как литература древнерусской народности (кроме названных работ, упомянем статью о «Слове о гибели Русских земли»), так и московская («Зарождение и становление московской литературы») и украинская литературы (Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960 и др.). Обобщающей работой является статья «О художественном наследстве древней русской литературы».⁷

Примером весьма актуального и боевого обращения к историографическому материалу может служить статья Н. К. Гудзия «Литература Киевской Руси в истории братских литератур»,⁸ где Николай Калининич последовательно выступает против буржуазно-националистической трактовки древнерусской литературы раннего периода и опирается на прогрес-

⁵ Культурные связи украинского и русского народов до конца XVIII века. — Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, т. LVI. Саратов, 1957.

⁶ Wiener slavistisches Jahrbuch, Achtei Band. Wien, 1960, стр. 9—27.

⁷ Oxford slavonic papers, vol. VII. Oxford, 1957, стр. 17—26.

⁸ См. кн.: Русско-украинские литературные связи. М., 1951, стр. 41—78.

сивную традицию в русском и украинском дореволюционном литературоведении.

Не случайно многие работы Н. К. Гудзия уже специально посвящены углубленному изучению наследия выдающихся русских литературоведов, в частности специалистов по древней русской литературе. Партийная критика известных ошибок в отношении к научному наследию прошлого вдохновила Н. К. Гудзия на объективную, всестороннюю оценку корифеев русской дореволюционной науки. В ряде своих работ он раскрывает исторические заслуги ученых прошлого и критикует неприемлемую для нас методологию их трудов. Большую роль в возбуждении интереса к научному наследию и в восстановлении уважения к заслугам крупных русских ученых сыграло выступление Н. К. Гудзия в «Литературной газете» со статьей «Забывшие имена», опубликованной затем в расширенном виде под названием «О русском литературоведческом наследстве».⁹ Затем последовали научные очерки и характеристики, посвященные Ф. И. Буслаеву («Изучение русской литературы в Московском университете», 1958), Н. С. Тихонравову («Николай Саввич Тихонравов», 1956), А. Н. Веселовскому (статья в «Краткой литературной энциклопедии» написана совместно с автором этих строк) и др. Особенно обстоятельно история изучения древней русской письменности раскрыта в серии статей, посвященных изучению литературы в Московском университете (соответствующие разделы в I томе «Истории Московского университета», в «Вестнике Московского университета», упомянутая книга «Изучение русской литературы в Московском университете»). И можно только сожалеть, что историографический раздел, украшавший первые издания «Истории древней русской литературы», исчез из последних изданий. Хочется надеяться, что очередное издание учебника Н. К. Гудзия вновь пополнится обновленным и обогащенным разделом, посвященным истории изучения древней русской литературы.

Обычно принято считать, что с изучения истории науки только начинается исследование литературы. Деятельность Н. К. Гудзия служит убедительным опровержением этого распространенного заблуждения — он создал несколько образцов своеобразного жанра историографического изучения истории литературы, не менее ценного и нужного, чем собственно историко-литературное изучение. Но думается также, что усиленный интерес Н. К. Гудзия в последние годы к проблемам историографии, где подытоживается и обобщается опыт русской и советской науки, одновременно является и большим разбегом для новых обобщающих работ по истории самой древней русской письменности. «А чи диво ся, братие, стару помолодити?».

⁹ Вестник Московского университета, 1957, № 1.

К пятидесятилетию Владимира Ивановича Малышева

Дорогой Владимир Иванович!

Сотрудники Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР поздравляют Вас в день Вашего пятидесятилетия и желают Вам долгих лет жизни, новых открытий и безупречного здоровья.

Уже с 1940 г. Ваша работа тесно связана с деятельностью сектора древнерусской литературы, и трудно, просто невозможно, представить себе работу сектора без Вашего участия. Начиная с IV тома в каждом томе «Трудов» сектора помещаются Ваши статьи, публикации новых памятников, целый раздел «По рукописным собраниям», созданный по Вашей инициативе и выходящий под Вашей редакцией. Среди Ваших рукописных находок — второй список «Слова о погибели Русской земли», новый список «Слова» Даниила Заточника, неизвестные прежде сочинения величайшего писателя древней Руси Аввакума Петрова, «Повесть о Сухане», стих XVII в., параллельный «Повести о Горе Злосчастье», рукопись «Исповеди Ивана Филиппова», былинные записи XVII в., новая повесть XVIII в. и многие, многие другие. Среди Ваших работ такие образцовые во всех отношениях филологические исследования, как «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков», «Повесть о Сухане», «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» и др. В 1934 г., более 25 лет тому назад, начались Ваши экспедиции за древними рукописями, а сейчас вокруг Вас — целая археографическая школа.

Вы никогда не были ученым-одиночкой и всегда щедро делились своими находками со всеми исследователями русского средневековья. Редкое из вышедших за последние годы исследований по истории древнерусской литературы не содержит ссылки на рукописные материалы, представленные В. И. Малышевым.

Но для нас, Владимир Иванович, Вы не только авторитетнейший филолог и археограф. Вы прежде всего наш друг, всегда готовый порадоваться радости товарища и помочь ему в беде.

Примите же, дорогой Владимир Иванович, нашу искреннюю любовь и наши лучшие пожелания.
